

Российская экономика: состояние неопределенности

Есть все основания ожидать, что доминирующим сценарием окажется медленный рост или даже стагнация — пока не будет найден новый «локомотив» дальнейшего роста, которого пока не видно | **ВЛАДИМИР МИЛОВ**

Экономика России серьезно пострадала от мирового финансового кризиса и сейчас находится в сложной ситуации. Необходимо отыскать способы вернуться к устойчивому экономическому росту и, по меньшей мере, к докризисным показателям.

От возобновления экономического роста зависит, выживет или нет нынешняя социально-политическая модель, утвердившаяся в России в первом десятилетии XXI века. Без малого десять лет впечатляющего непрерывного экономического роста в 1999–2008 годах, с резким увеличением реальных доходов населения и повышением качества жизни, стали важнейшим фактором формирования авторитарной среды, постепенной ликвидации политической конкуренции в России и установления политической монополии правящего клана. Среди наблюдателей существует согласие относительно того, что высокие рейтинги популярности Владимира Путина, приведшие к постепенному демонтажу отдельных демократических институтов и возникновению авторитарного политического режима, явились в значительной степени результатом экономического подъема. Именно сравнительное экономическое благополучие сделало общество более терпимым к ограничению гражданских свобод.

Хотя экономический рост в 2000-х сопровождался усиливающимся социальным неравенством (разница в доходах между 10 проц. богатых и 10 проц. бедных россиян возросла с 13,9 раза в 2000-м до 16,9 раза в 2008 году¹), тем не менее нельзя отрицать, что десятилетие роста так или иначе было выгодно всем группам российского общества.

Экономический спад и стагнация 2009–2010 годов уже привели к примечательным политическим и социальным сдвигам — к массовым демонстрациям протеста в регионах России, в том числе и с требованиями отставки Путина, к заметному ухудшению результатов «Единой России» на региональных и муниципальных выборах. Хотя масштабы этих изменений пока невелики, они, однако, сигнализируют о новой важной тенденции.

Если в России и дальше сохранятся низкие темпы роста или начнется стагнация либо даже экономический спад, разочарование в политике правительства неизбежно охватит более широкий круг общественных групп, усиливая недовольство нынешней политической системой. Можно утверждать, что только возвращение к высоким и устойчивым темпам экономического роста способно сохранить на плаву нынешнюю политическую модель. В противном случае она может

столкнуться с нарастающим недовольством разочарованных социальных групп.

Представляется, однако, что факторы, которые обеспечили внушительный рост российской экономики в 1999–2008 годах, ныне исчерпали себя и вряд ли вновь появятся в ближайшем будущем. Поэтому, чтобы вернуться к экономическому росту, России потребуется серьезно пересмотреть свою экономическую политику, сориентировав ее на поощрение инвестиций и повышение эффективности экономики. А это противоречит рентной природе политико-управленческой модели, сформировавшейся в России в годы правления Владимира Путина.

Экономическая модель развития России в 1999—2008 годах

Экономический рост последнего десятилетия в России можно четко разделить на две исторические фазы. В ходе первой, в целом совпадающей с первым президентским сроком Владимира Путина, рост был обусловлен послекризисным восстановлением, движущими силами которого выступили резкое обесценение рубля и наличие больших неиспользуемых производственных мощностей. В значительной мере этот рост был поддержан и повышением международных цен на сырьевые товары (так, в среднем цена на сырую нефть *Urals* поднялась с 16,7 дол. за баррель в 1990-х до 24,7 в 2000–2002 годах), а также увеличением физических объемов экспорта сырья.

Однако в 2002–2003 годах этот фактор положительного влияния на экономический рост в значительной степени исчерпал себя. В те годы эксперты сходились в том, что рост ВВП замедлится с 5–7 до 3–4 проц. и в дальнейшем будет составлять не более 1–2 процентов. Было широко распространено мнение, что для обеспечения более высоких темпов роста необходимы глубокие изменения в российской политике, а именно

поощрение инвестиций в основной капитал посредством создания более благоприятного инвестиционного климата, стимулирование роста производительности труда и эффективности экономики через структурные реформы «нерыночного сектора» (по определению Евгения Ясина), то есть через приватизацию государственных предприятий, реструктуризацию инфраструктурных монополий и т. п.

Именно на это, по-видимому, и была ориентирована федеральная программа экономических реформ (так называемая «программа Грефа»), запущенная в 2000-м и продолжавшаяся в последующие годы с регулярными обновлениями. Однако ее реализация в 2000–2007 годах, будучи фрагментарной и непоследовательной, не дала большого эффекта. Например, инвестиции в основной капитал почти не увеличились, продолжая оставаться на уровне около 20 проц. от ВВП. Для сравнения: в Китае они составляли намного большую цифру – 40 проц. от ВВП (рост с 35 проц. в 2000-м), а в Индии 30 проц. от ВВП (с 25 проц. в 2000-м). В этих двух странах экономический рост действительно основан на инвестициях. Если говорить о производительности труда в российской экономике, то здесь положение не улучшилось: в течение всего последнего десятилетия производительность хотя и росла, но почти в два раза медленнее, чем реальные доходы населения. Тем не менее, благодаря резкому скачку цен на нефть, в 2003–2005 годах темпы экономического роста опять взлетели до 6–7 проц. в год (в 2003-м цена *Urals* в среднем составляла 27,3 дол. за баррель, в 2004-м выросла до 34,4, а в 2005 году – до ранее невообразимых 50 дол.). Это существенно расширило возможности дальнейшего экономического роста на основе ренты, без проведения потенциально болезненных структурных реформ. К концу 2004-го созданный правительством Стабилизационный фонд возрос до 500 млрд рублей.

Важно и то, что в то время у правительства появились дополнительные стимулы для замедления структурных реформ. С одной стороны, это было его собственное стремление контролировать стратегические активы и частично ренационализировать экономику (вспомним поглощение «ЮКОСа» и других ранее частных компаний, снизившее долю частного сектора в ВВП, по данным ЕБРР, с 70 до 65 проц., что для стран с переходной экономикой довольно необычно). С другой стороны, это были мрачные предвестия социальной нестабильности и протестов, которые дали себя знать в начале 2005-го, когда вспыхнули волнения из-за попыток монетизации социальных льгот.

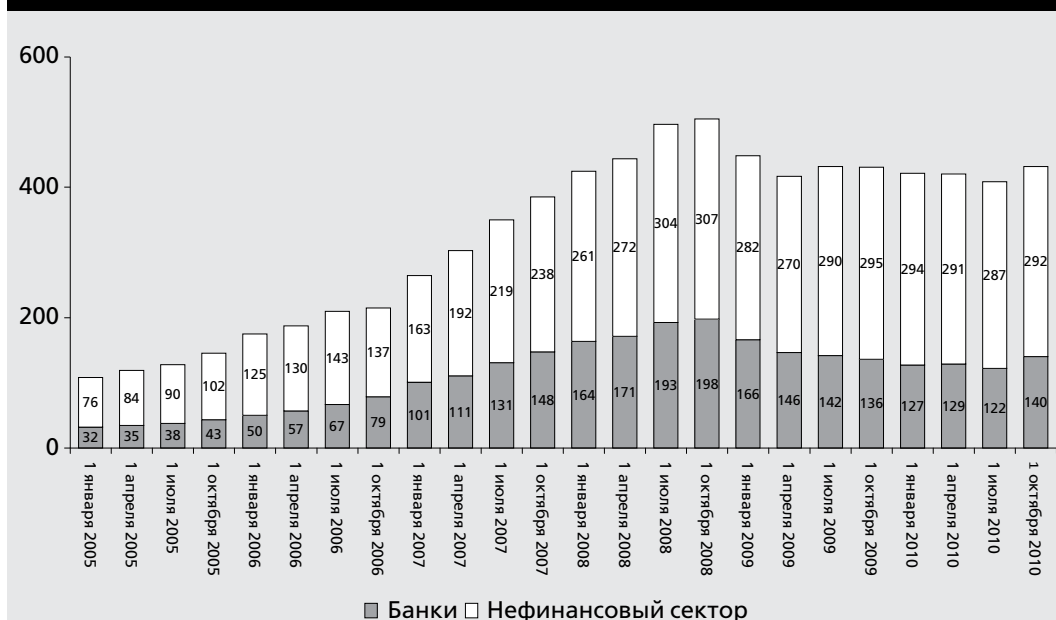
Кроме растущих доходов от экспорта нефти, новым фактором поддержания экономического роста в России в 2005–2008 годах, который, в свою очередь, позволил сохра-

нить рентную политику и вновь отложить необходимые структурные реформы, стал массовый приток иностранного капитала. До 2005-го Россия была нетто-экспортером капитала: из страны уходило больше денег, нежели вкладывалось в нее. Однако в 2005-м ситуация изменилась, и хотя именно в тот год чистый приток капитала был еще относительно невелик (всего 1,1 млрд дол.), но это означало перелом тенденции на ближайшие несколько лет. В 2006-м цифры были более впечатляющими: чистый приток капитала составил 41,6 млрд дол., в 2007-м – уже 82,3, а в первой половине 2008 года – 17 млрд долларов.

Этот период избыточной глобальной ликвидности и недооцененных рисков был отмечен масштабным притоком западного капитала во все крупные развивающихся страны с рыночной экономикой. Однако в России

Рис. 1

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОЛГ РОССИИ В 2005–2010 ГОДАХ, МЛРД ДОЛ.

Источник: Центральный банк России

Рис. 2

Источник: Росстат

ситуация была нетипичной в том смысле, что в отличие, например, от других стран БРИК капитал шел сюда не в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а в основном (60–70 проц.) в форме предоставления кредитов российским корпорациям и банкам². Это косвенно указывает на недостаток веры иностранных инвесторов в безопасность прямых инвестиций в экономику России, а также на высокие внутренние барьеры для ПИИ из-за проводимой правительством политики ренационализации и его стремления захватить контроль над стратегическими секторами экономики. Кроме того, это стало косвенным индикатором того, что инвесторы предпочитали инвестиции в виде кредитов, а не вложений в акционерный капитал. Они считали, что правительство прибегнет к своим крупным финансовым резервам для того, чтобы при неблагоприятном развитии событий помочь — прямо или косвенно — проблемным должникам (и это действительно имело место в активной фазе кризиса 2008–2009 годов). Тем самым финансовые резервы правительства рассматривались как

обеспечение быстро нарастающего объема кредитов.

В результате общий внешний долг корпоративного и банковского сектора России вырос примерно со 108 млрд дол. на 1 января 2005-го до 505 млрд дол. на 1 октября 2009 года (см. рис. 1 на с. 74).

В 2005–2008 годах средняя доля кредитов в общем внешнем долге составляла 67 проц. для банков и 76 проц. для нефинансовых предприятий, а во время активной фазы финансового кризиса эти показатели выросли соответственно до 73 и 81 процента. Подобная экспансия дешевых иностранных кредитов на российском рынке стала основным источником экономического роста в России в 2005–2008 годах («вторая фаза»), превзойдя в этом качестве доходы от экспорта нефти и опровергнув пессимистические прогнозы относительно грядущего замедления роста.

Приток кредитов в большой мере способствовал также впечатляющим темпам роста реальной заработной платы (10–16 проц. в год), которые намного опережали темпы

роста производительности труда (см. рис. 2 на с. 75), что способствовало политической стабильности в стране. С другой стороны, рост зарплат заметно снизил и так невысокую конкурентоспособность российской экономики. Экономический рост был обусловлен в основном массовым притоком в страну «легких денег», а не повышением эффективности и производительности экономики. С началом мирового финансового кризиса фактор «легких денег» сошел на нет.

Кризис

Экономический кризис 2008–2010 годов подтвердил очевидную несостоятельность модели развития, основанной на быстром увеличении внешних корпоративных долгов. Начиная со второй половины 2008-го, в ходе активной фазы глобального финансового кризиса, капитал начал быстро уходить из страны (как и с других развивающихся рынков), в результате чего Россия осталась с огромным корпоративным внешним долгом, большую часть которого составляли краткосрочные займы.

Бегство капитала началось во второй половине 2008-го, когда из страны утекло 150 млрд дол., и продолжалось в 2009-м, когда чистый отток капитала достиг 52 млрд дол., и в 2010-м (чистый отток капитала 38,3 млрд дол. — при правительственном прогнозе нулевого оттока на 2010 год). В общей сложности за время этого кризиса из страны ушло больше иностранного капитала, чем пришло в нее ранее — в 2005–2008 годах.

Другие развивающиеся рынки — Бразилия, Китай, Индия, Турция — сумели в этот период вернуть капиталы, Россия же оставалась исключением. Чистый отток капитала из России продолжился и в 2011 году, составив 11 млрд дол. в январе и 6 млрд. — в феврале.

Чтобы компенсировать массовый отток ликвидности, правительство было вынуждено использовать накопленные им резервы.

Центральный банк России потерял около 200 млрд дол. из своих валютных резервов, пытаясь замедлить резкое обесценение рубля и тем самым облегчить российским банкам погашение некоторых кредитов, номинированных в иностранной валюте. На 1 июля 2008-го внешний долг российских банков в иностранной валюте превышал 100 млрд дол., и многие эксперты считают это реальной причиной того, почему Центральный банк перешел к политике «постепенного» обесценения рубля, в отличие от быстрого обесценения, которое казалось естественным в ситуации резкого изменения сальдо внешней торговли России³.

Правительство стремилось поддержать на прежнем уровне и даже увеличить свои расходы, чтобы помочь экономике пройти через кризис. Общие оценки размера антикризисной помощи правительства колеблются от 3 проц. ВВП в 2009 году (официальная оценка⁴) до 7 проц. ВВП⁵ с учетом мер, принятых в конце 2008-го. По этой причине федеральный бюджет России на 2009 и 2010 годы принимался с дефицитом. В 2009-м фактический дефицит федерального бюджета составил 5,9 проц. ВВП, а в 2010 году — 4,1 процента. Федеральный бюджет на 2011-й прогнозируется с дефицитом в размере до 2 проц. ВВП, даже с учетом предстоящего увеличения налоговых сборов (более 2 проц. ВВП), Министерство финансов планирует сохранить дефицит бюджета в 2012-м и 2013 годах в предположении, что мировая цена на нефть останется на уровне 75 дол. за баррель.

Совершенно ясно, что даже масштабная помощь правительства не смогла предотвратить серьезный провал экономики России. Несмотря на огромный объем помощи, ВВП в 2009-м уменьшился на 7,9 проц. — самый большой спад за 15 лет (с 1994 года). Это даже больше, чем в год дефолта (1998), когда ВВП сократился «всего» на 5,3 процента (см. рис. 3 на с. 77).

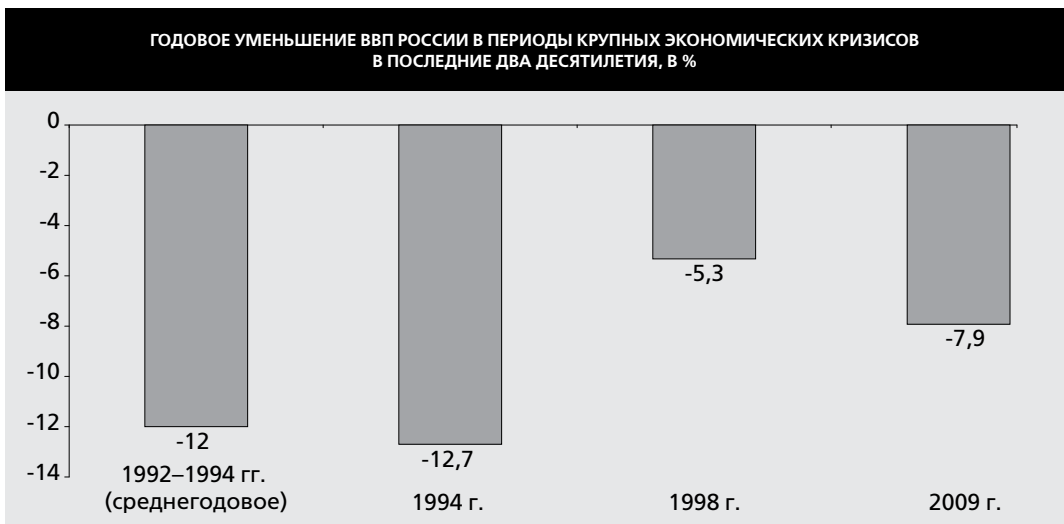
В первом квартале 2010-го ВВП России увеличился на скромные 2,9 проц. — и это на фоне катастрофического спада в I квартале 2009 года, когда ВВП сократился на 9,8 проц. по сравнению с I кварталом 2008-го. Большинство показателей — объем промышленного производства, инвестиции, предпринимательская активность — свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторые формальные признаки восстановления по отношению к катастрофическим показателям худших кризисных месяцев в начале 2009-го, экономика в целом переживает стагнацию, застыв на уровне примерно 2007 года.

Огромные расходы правительства, ведущие к быстрому истощению накопленных им финансовых резервов, не очень-то помогают экономике двигаться вперед. Но и эта возможность довольно скоро исчезнет. Резервный фонд Минфина (наследник денег Стабилизационного фонда) в период кризиса заметно уменьшился (см. ниже), и весьма вероятно, что в ближайшие месяцы он полностью иссякнет, если и дальше будет использоваться для финансирования огромного бюджетного

дефицита. Существует также Фонд национального благосостояния РФ (другая часть разделенного Стабилизационного фонда), который располагает суммой около 90 млрд дол., но значительная ее часть предназначена для пенсионных выплат. В любом случае фонд не сможет продлить жизнь политике финансирования бюджетного дефицита за счет резервов более чем на год или около того.

Все это заставило министра финансов Кудрина в апреле 2010 года заявить о пересмотре политики бюджетного финансирования послекризисного восстановления, а также о том, что к 2015-му расходы бюджета придется урезать на 20 процентов. Однако, как явствует из проекта федерального бюджета на 2011–2013 годы, разработанного Минфином в конце 2010-го, самое большее, чего Кудрин смог добиться в борьбе с лоббистами, это сохранить бюджетные расходы на нынешнем уровне, что означает сокращение их в реальном выражении вследствие инфляции, но без номинального сокращения, чтобы не растревожить оппозиционные группы лоббистов.

Рис. 3

Источник: Росстат

Примечательно, что даже относительно высокие цены на нефть *Urals* (87,2 дол. за баррель в течение 2010-го, что значительно выше средней цены в 2000–2008 годах – 45,6 дол. за баррель) не помогли уберечь Резервный фонд правительства от заметного сокращения: он сократился с 60 млрд дол. в январе 2010-го до 25 млрд дол. по состоянию на конец года. Всего с осени 2008 года Резервный фонд потерял более 70 проц. своих накоплений.

Это означает, что, даже учитывая нынешние масштабы присутствия государства в экономике и степень его прямого участия в послекризисном восстановлении, принимаемых мер будет недостаточно, чтобы избежать большого бюджетного дефицита и дальнейшего сокращения финансовых ресурсов, не говоря уже о возможности какого-либо накопления новых резервов.

Гипотеза «нефтяной зависимости»

Российские власти и аналитики часто заявляют, что глубину экономического кризиса 2008–2010 годов в России можно объяснить сохраняющейся сильной зависимостью страны от производства и экспорта нефти и газа. Такое объяснение, по сути, является экстраполяцией той логики, в рамках которой предшествовавший кризису рост 1999–2008 годов объяснялся подъемом мировых цен на нефть.

Однако выше было показано, что экономический рост в предыдущем десятилетии нельзя объяснить лишь изменением цен на нефть. Равным образом и недавний кризис не настолько тесно связан с фактором нефтяных цен, как это обычно полагают. Как мы уже говорили, подъем 1999–2008 годов был обусловлен сочетанием ряда обстоятельств, среди которых ценам на нефть принадлежала значительная, но не ведущая роль, особенно в 2005–2008 годах, когда рост подпитывался главным образом притоком иностранного капитала. Конечно, экспансия капитала на

российский рынок была бы невозможна, не накопи правительство значительных финансовых резервов за счет неожиданно высоких прибылей от экспорта нефти и газа. Но правда и то, что эти непредвиденные прибыли и накопленные резервы ослабили мотивацию правительства к проведению важных структурных реформ. Действительно, динамика нефтяных цен оказала серьезное влияние на экономическое развитие России в последнее десятилетие, но все же было бы принципиальной ошибкой и упрощением связывать ход событий исключительно с этим фактором.

Тем более было бы неправильно объяснять природу нынешнего экономического кризиса в России ее чрезмерной зависимостью от экспорта нефти и газа. Есть несколько причин, указывающих на несостоятельность такого объяснения:

- Россия оказалась в числе стран, наиболее пострадавших от глобального финансового кризиса: ее ВВП в 2009-м снизился сильнее, чем в любой другой стране G20; в некоторых из них, гораздо более зависимых от экспорта нефти, чем Россия (в Саудовской Аравии и – выходя за рамки G20 – в более сопоставимых Азербайджане и Казахстане), ВВП в 2009-м не упал, а вырос;
- добавленная стоимость в наибольшей степени снизилась в обрабатывающей промышленности и в строительстве (по данным Росстата, примерно на 21 проц. в течение первой половины 2009-го), то есть в секторах, которые прямо не связаны с добычей и экспортом нефти и газа;
- в добывающей промышленности в течение первой половины 2009 года (в самую трудную фазу кризиса) добавленная стоимость снизилась только на 3,7 проц., в то время как ВВП в целом сократился на 10,4 процента;
- нынешняя система налогообложения экспорта нефти построена таким образом, что

при цене выше 40 дол. за баррель большая часть дохода идет в бюджет государства, что делает нефтедобывающую отрасль, да и остальную экономику, объективно менее чувствительной к резким глобальным скачкам цен на нефть. Такие скачки обычно полностью демпфируются финансовой системой государства в течение короткого времени (в России в 2008–2010 годах происходил противоположный процесс: финансовая система государства испытала сильное потрясение, но сохранила проч-

экономика страны сталкивается с серьезными трудностями в поиске путей к выздоровлению, а в бюджетах на 2011–2013 годы предусмотрен значительный дефицит. Напомним, что в 2000–2007 годах, когда нефть была намного дешевле, федеральный бюджет принимался с профицитом, и нынешний драматический перелом ситуации в худшую сторону показывает, сколь высокую цену Россия вынуждена платить за масштабные интервенции государства в экономику в предыдущие годы.

“Нынешний драматический перелом показывает, сколь высокую цену Россия вынуждена платить за масштабные интервенции государства в экономику в предыдущие годы”.

ность, поскольку имела существенный финансовый резерв, в то время как в экономике имел место резкий спад).

Таким образом, нефте-/газодобывающая отрасль не была в числе лидеров спада российской экономики, в отличие от обрабатывающей промышленности и строительства. Все это позволяет предположить, что причины нынешних трудностей российской экономики гораздо более сложны и не сводятся к фактору «нефтяной зависимости», поэтому и обсуждение недавнего кризиса не должно сводиться к столь упрощенной формуле. Более того, существуют ясные признаки того, что кризис в России имеет лишь малое отношение к обвалу цен на нефть во второй половине 2008 года.

Это важно понимать при попытках прогнозировать экономическую ситуацию в России в предстоящем десятилетии. Общий вывод, что «все будет хорошо, если цены на нефть снова поднимутся до 100 дол. за баррель», неверен. Даже сейчас, когда цены на нефть превысили уровень в 100 дол. за баррель, то есть по-прежнему выше, чем в любом предыдущем году, за исключением 2008-го,

В чем загадка столь глубокого кризиса и каковы причины того, что даже беспрецедентно большая государственная помощь не смогла предотвратить крупнейший с 1998-го спад в экономике страны? По всей вероятности, главные причины — это ограниченная конкурентоспособность российской экономики, которая оказалась не в состоянии поддерживать себя (не говоря уже о том, чтобы развиваться) без массивных вливаний дешевых иностранных денег, и контрпродуктивная политика правительства, повлиявшая на ситуацию в двух отношениях:

- во-первых, она нанесла серьезный ущерб базовым факторам, определяющим инвестиционный климат в стране (право частной собственности, независимость судебной системы, правоприменение и др.). Это предопределило доминирующую роль краткосрочных спекулятивных денег и кредитов (а не прямых инвестиций) в структуре капитала, пришедшего в Россию в 2005–2008 годы, равно как и его быстрое бегство из страны в начале кризиса (даже по сравнению с другими развивающимися рынками);

- во-вторых, она привела к огромному увеличению государственного вмешательства, что тяжелым бременем легло на экономику и стало серьезным препятствием для будущего роста, перспективы которого в настоящее время проблематичны даже при том, что цена на нефть выросла до уровня выше 100 дол. за баррель.

Сочетание этих двух факторов — ограниченной конкурентоспособности экономики и негативной роли правительства — повлияло на ход кризиса гораздо сильнее, нежели обвал цен на нефть, который в противном случае, то есть в более конкурентоспособной и свободной от рисков экономике, вероятно, нанес бы намного меньший ущерб.

Это означает, что даже высокие цены вряд ли могут служить залогом устойчивого экономического роста России в будущем, так как для этого существует слишком много препятствий: неэффективное, но расширяющее

свои прерогативы государство, плохой инвестиционный климат, неконкурентоспособная экономика. Как показал период 2008—2010 годов, даже высокая цена на нефть (около 75 дол. за баррель, то есть существенно выше, чем в 2000—2007 годах, не говоря уже о 1990-х) не помогла предотвратить самый глубокий кризис за последние 15 лет и, как будет показано ниже, не очень-то помогает обеспечить и высокие темпы восстановления экономики.

При этом важно отметить, что, если мировые цены на нефть снова установятся на уровне в 100 дол. за баррель и выше и будут дальше расти, финансовая устойчивость государства станет несколько большей, а его возможности содействия экономическому развитию несколько шире, чем в нынешних условиях; это делает возможным более оптимистический сценарий экономического развития России в рамках нынешней модели (подробнее различные сценарии развития будут рассмотрены ниже).

Рис. 4

Источник: Росстат

Послекризисное восстановление

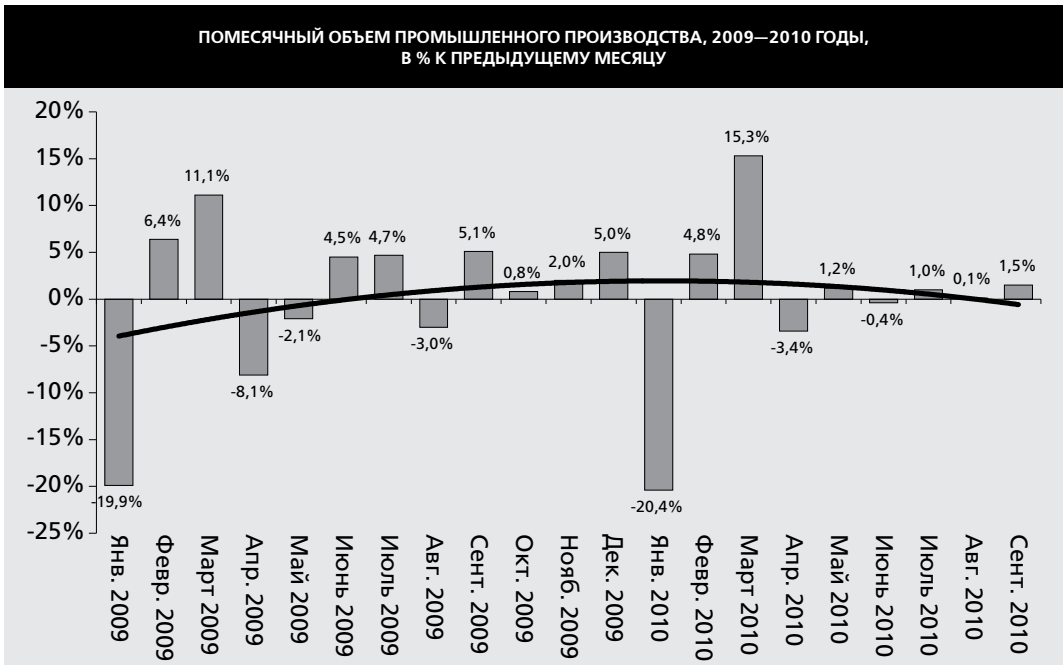
Хотя многие экономисты и наблюдатели поспешили объявить экономический кризис в России «преодоленным» и, следовательно, делом прошлого, реальность намного сложнее. Действительно, восстановление российской экономики в первой половине 2010-го было достаточно быстрым: ВВП в I квартале 2010 года вырос на 2,9 проц., а во втором – на 5,2; объем промышленного производства в I квартале 2010-го вырос на 5,8 проц. а во втором полугодии на 10,2 процента.

Однако следует помнить, что это рост по сравнению с катастрофическими цифрами «свободного падения» экономики в первой половине 2009 года, когда ВВП сократился на 10,4 проц., а промышленное производство на 14,5 процента. По данным Росстата, ни ВВП, ни промышленное производство еще не достигли докризисного уровня, а в последнее

время восстановление в основном идет «по горизонтали». Например, в фиксированных ценах 2003-го сезонный поквартальный рост ВВП в 2010 году был существенно медленнее, чем во второй половине 2009-го, которая была наиболее активной стадией восстановления. С учетом сезонных колебаний, поквартальный ВВП неуклонно рос, увеличившись в III и IV кварталах 2009-го соответственно на 1,42 и на 1,87 проц., в то время как в I и II кварталах 2010 года рост ВВП с учетом сезонных колебаний в постоянных ценах не только был существенно ниже (0,9 проц.), но и становился даже отрицательным.

С учетом сезонных колебаний, номинированный в рублях поквартальный ВВП в фиксированных ценах 2003-го сейчас также отстает от уровня докризисного пика 2008 года на 5–6 проц., при этом очевидно, что выравнивание кривой тут явно скорее *L*-типа, нежели *U* или *V*-типа.

Рис. 5

Источник: Росстат

Как видно из рисунка 5 (см. с. 81), объем промышленного производства, который демонстрировал значительный рост из месяца в месяц с июня 2009-го по март 2010 года (с сезонной паузой в январе), в апреле–сентябре 2010 года в значительной степени стабилизировался на низком уровне. Поэтому, несмотря на то, что частичное базовое восстановление происходит, экономике по-прежнему явно не хватает «локомотива» для реализации дальнейшего потенциала роста.

Наблюдался также значительный месячный спад прироста инвестиций в основной капитал: если с декабря 2009-го по июнь 2010 года имел место резкий — двузначный — рост (опять же, с сезонной паузой в январе), то в последующие месяцы рост заметно замедлился.

Очевидно, что происходящее восстановление экономики обусловлено не внутренними факторами, а увеличением экспорта, который

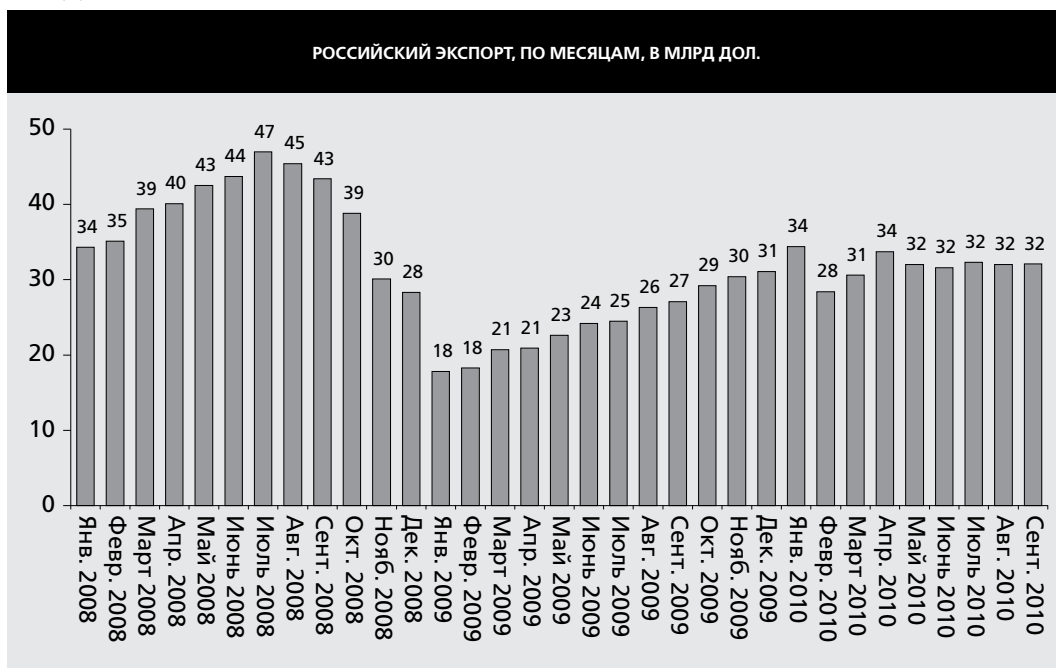
уверенно рос в течение 2009-го, но затем застыл на уровне около 32 млрд дол. (не достигнув даже докризисного уровня) (см. рис. 6 на с. 82). Этот застой поразительно соответствует ежемесячному спаду объемов промышленного производства и инвестиций в основной капитал.

Но, как было показано выше, без фундаментальных позитивных изменений внутренней ситуации даже увеличение объема экспорта само по себе не может обеспечить возвращение экономики России на путь устойчивого экономического роста. Стагнация показателей экспорта практически исключает возможность возобновления экономического роста.

Динамика внутреннего спроса во второй половине 2010 года явно также ослабла, отражая тем самым замедление темпов восстановления экономики (см. рис. 7 на с. 83).

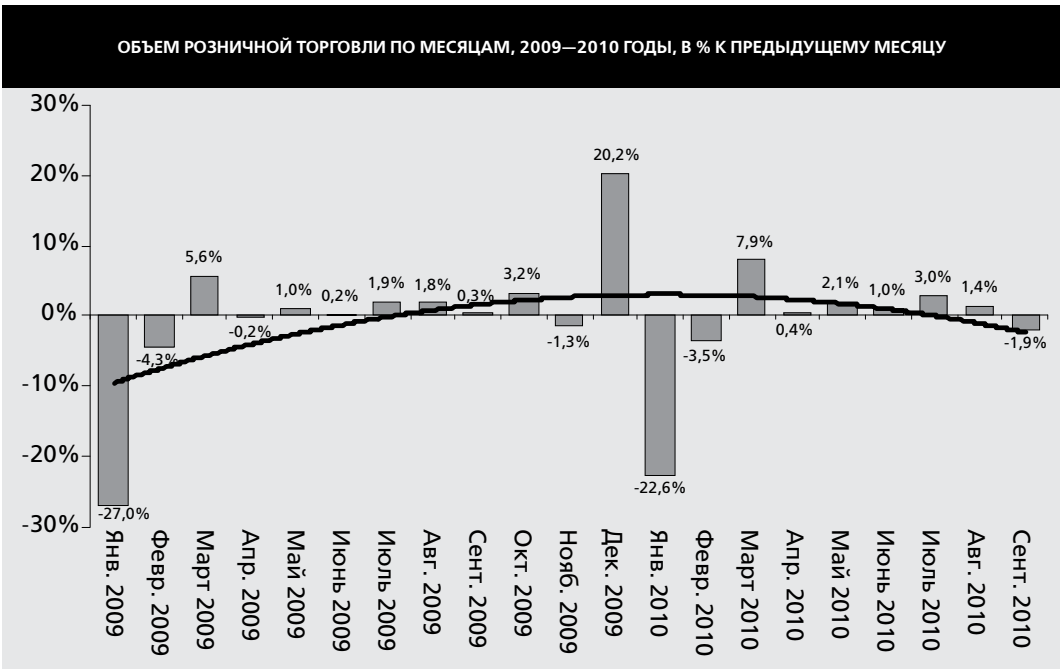
Итак, пока восстановление экономики России после кризиса 2008–2010 годов

Рис. 6

Источник: данные Центрального банка России

Рис. 7

Источник: Росстат

не стало устойчивым. Положение сейчас намного хуже, чем после кризиса 1998-го, когда экономика начала быстро расти менее чем через 12 месяцев после резкого начала кризиса, причем рост был устойчивым и практически не прерывался в последующие девять лет.

Сейчас мы наблюдаем совсем другую картину. После умеренных темпов восстановления во второй половине 2009-го и в первой половине 2010 года экономика России явно застыла на месте, и есть все основания ожидать, что доминирующим сценарием окажется медленный рост или даже стагнация, пока не будет найден новый «локомотив» дальнейшего роста, которого пока не видно.

Что дальше?

И все-таки: что могло бы стать стимулом возвращения к существенному экономическому росту в ближайшее десятилетие?

Поскольку глобальные финансовые проблемы продолжают, иностранный капитал не будет возвращаться в Россию, по крайней мере в виде крупных дешевых кредитов, как это было в 2005—2008 годах. В действительности капитал по-прежнему все еще уходит из страны, несмотря на постоянные радужные прогнозы официальных лиц о переломе этой тенденции. Корпоративный долг остается большим: по данным Центрального банка России, он все еще превышает 430 млрд дол. и со второй половины 2009-го стал увеличиваться. Более двух третей этого долга составляют иностранные кредиты. Данный фактор существенно затруднит российскому корпоративному и банковскому сектору крупные заимствования на международных рынках, особенно с учетом продолжающегося мирового кредитного кризиса и ограниченной доступности кредитов. Погашение внешних займов будет также негативно влиять на структуру потоков капитала.

Как отмечалось выше, цены на нефть вряд ли послужат потенциальным источником роста: даже уровня в 100 дол. за баррель недостаточно для этого, если учесть огромные масштабы нынешнего государства. Общие государственные расходы остаются на уровне 40–41 проц. от ВВП (докризисный уровень — 30–36 процентов). Следует также отметить, что российская нефтегазовая отрасль сталкивается с совершенно новым, немыслимым в начале 2000-х уровнем затрат, связанным с разработкой новых месторождений нефти и газа, новых регионов и полей. Это означает, что этот сектор больше не может рассматриваться в виде источника легкодоступной ренты, как это было в последнее десятилетие, когда объем производства обеспечи-

номического подъема. Новый резкий рост мировых цен на нефть можно рассматривать как один из сценариев для анализа экономического будущего России, но вероятность такого сценария невысока. Краткосрочная реакция мирового рынка на форс-мажорные события вроде дестабилизации Ливии не должна вводить в заблуждение — нет оснований ожидать, что возникшие проблемы окажут долгосрочное влияние на цены на нефть.

В предыдущие годы много говорили о том, что растущие расходы правительства (в частности, связанные с инвестициями) смогут стать новым источником экономического роста и модернизации экономики. Однако реальные итоги резкого увеличения федеральных расходов в 2006–2010 годах не позволяют

“Российская нефтегазовая отрасль сталкивается с немыслимым в начале 2000-х уровнем затрат, связанным с разработкой новых месторождений нефти и газа”.

вался за счет старых месторождений, не требовавших больших инвестиций и эксплуатационных расходов. Яркой иллюстрацией этого являются споры относительно полной отмены экспортной пошлины на нефть, экспортную по новому нефтепроводу Восточная Сибирь — Тихий океан, а также на газ, который будет транспортироваться через «Северный» и «Южный потоки».

Всегда есть вероятность того, что цены на нефть вновь поднимутся выше 100 дол. за баррель или даже еще выше и останутся на этом уровне, обеспечив российскому правительству новые возможности для продолжения его дирижистского экономического курса. Однако на международном нефтяном рынке существует явный избыток свободных мощностей по добыче нефти, который, по имеющимся прогнозам, сохранится как минимум до 2015-го, даже если реализуется оптимистический вариант глобального эко-

поддержать эту гипотезу. Государственные расходы оказались весьма неэффективными и с точки зрения стимулирования экономического роста не принесли тех практических результатов, которые были бы сравнимы с достижениями в частном секторе.

Увеличение государственных расходов способствовало также росту инфляции в 2007–2008 годах, и в случае сохранения их высокого уровня инфляционная спираль снова начнет раскручиваться. Еще одна проблема, связанная с чрезмерным разрастанием государства и бюджетным дефицитом, — резкое увеличение налогов (единый социальный налог, акцизы на бензин, региональные налоги на имущество), которые в 2011–2013 годах могут составить более 3 проц. ВВП, что еще более осложнит процесс восстановления.

Единственным потенциальным источником возобновления существенного экономического роста в России остаются

повышение эффективности экономики, рост производительности труда и стимулирование инвестиций в основной капитал, но эта программа еще несколько лет назад была отвергнута вместе с целым комплексом необходимых структурных реформ. Понятно, что это потребовало бы серьезного пересмотра основных стратегий правительства — перехода от ренационализации и практики создания принадлежащих государству «национальных чемпионов» к приватизации, от ограничения прямых иностранных инвестиций в стратегических секторах экономики к благоприятному отношению к ним, а также к радикальному сокращению размеров и регулятивных функций государства вместо дальнейшего расширения их в настоящее время, к обеспечению подлинной независимости судебной системы, к защите частной собственности и т. д.

Влияние глобальной экономики

Россия не изолирована от мировой экономики. Напротив, она фундаментальным образом связана с ней, и это во многом определяет ее экономическое будущее.

В рамках этой статьи нет возможности проанализировать перспективы мировой экономики — это потребовало бы более целенаправленного и подробного анализа. То же самое можно сказать и о перспективах мирового рынка нефти, состояние которого будет определять уровень международных цен на нефть — важный фактор, способный помочь правительству сохранить нынешнюю экономическую модель.

Однако можно сделать некоторые предположения на этот счет, которые будут ниже использованы для разработки нескольких сценариев развития экономики России. Таких предположений два. Во-первых, по мнению автора, в мировой экономике уже не сложится ситуация, благоприятствующая масштабной международной экспансии дешевых кредитов на российский рынок, как это

было в 2005—2008 годах. Трудности устойчивого восстановления мировой экономики, продолжение мирового кредитного кризиса, перспективы двойной рецессии — все эти факторы практически исключают такую возможность, по крайней мере, на ближайшие несколько лет.

Второе предположение не столь категорично: по крайней мере, в течение нескольких лет мировые цены на нефть могут либо оставаться на уровне ниже 100 дол. за баррель (автор считает этот вариант наиболее реалистичным), либо подняться до 100 дол. за баррель и выше и продолжать расти (менее вероятный, но все же возможный сценарий).

Автор полагает, что вариант «ниже 100 дол. за баррель» более вероятен по следующим причинам:

- В среднесрочной и даже в десятилетней перспективе, при оптимистическом сценарии восстановления мировой экономики, на мировом рынке не возникнет существенного дефицита нефти. Резкое сокращение мирового спроса на нефть во время финансового кризиса привело к появлению беспрецедентно крупных для ОПЕК резервных нефтедобывающих мощностей — около 5,5 млн баррелей в сутки (примерно 6 проц. от ежедневного мирового спроса на нефть), даже без учета Ирака, Венесуэлы и Нигерии (их свободные мощности добавили бы еще один миллион баррелей в сутки). Ожидаемое появление в странах ОПЕК новых мощностей в 2010—2014 годах должно добавить к глобальному производству еще около 2 млн баррелей в сутки; предполагается рост добычи и в странах, входящих в ОПЕК (Бразилия, Казахстан, Азербайджан). Даже при оптимистичных сценариях восстановления мировой экономики, которые предполагают возвращение к ежегодному приросту общемирового спроса на нефть в размере около 2 проц.,

резервные мощности по добыче нефти в странах ОПЕК сохраняются на уровне 3,5–4 млн баррелей в день по меньшей мере в течение ближайших 4–5 лет. И хотя на мировом рынке нефти временами могут возникать ситуации недостаточного предложения (типа временных перебоев поставок нефти в связи с политической турбулентностью в Ливии), вряд ли есть смысл до 2020 года говорить об опасности серьезной физической нехватки нефти.

- Не исключено, что финансовые инвесторы могут снова попытаться перегреть товарные рынки, как они это делали в начале 2008-го, вздувая цены на нефть и другие сырьевые товары. Но, учитывая опыт обвала цен на нефть во второй половине 2008-го и ставшие широко известными факты спекуляции сырьевыми товарами на международных рынках, которые и привели к изменению цен в 2008-м, автор ожидает, что рыночные игроки проявят гораздо большую осторожность.

Не исключены некоторые радикальные сценарии вынужденного взлета цен на нефть, например, в случае возглавляемой США или Израилем войны с Ираном, преднамеренного сокращения добычи нефти Саудовской Аравией и т. п. Но опыт подобных прошлых кризисов свидетельствует, что по разным причинам такие события могут оказывать лишь краткосрочное влияние на нефтяной рынок, в то время как не подлежащее сомнению наличие достаточных физических объемов нефти вплоть до 2020 года является залогом того, что краткосрочные всплески цен на нефть (вроде тех, что вызваны вооруженным конфликтом 2011 года в Ливии) не перерастут в долгосрочные.

Перспективы на будущее

Пока неясно, достанет ли наконец российской власти политической воли для принципиального изменения экономического

(и политического?) курса. Но если она не сделает этого, то в деле обеспечения российского экономического роста останется полагаться разве что на «подарки судьбы» вроде тех, что сделали возможным экономический подъем России в последнее десятилетие (рост доходов от экспорта нефти и массовый приток дешевых иностранных кредитов). Однако если новых «подарков судьбы» не последует, а нынешний дирижистский курс не будет радикально изменен, будущее экономики России предстанет в очень смутном свете, и, скорее всего, ее ожидают в этом случае очень низкие темпы роста или даже стагнация в течение многих лет.

На этом политическом распутье — между дирижистским курсом и радикальным изменением экономико-политической парадигмы — и определится экономическое будущее России на ближайшие десять лет — до 2020 года. В итоге три сценария, предлагаемые к рассмотрению, выглядят примерно так: сценарий *Business as usual* (инерционный), сценарий «опять повезло» (новый резкий рост мировых цен на нефть до уровня значительно выше 100 дол. за баррель, что способствует сохранению нынешней политической и экономической системы) и сценарий «радикальные изменения» (некоторые глубинные преобразования политической и экономической системы; наиболее широко обсуждается вариант возвращения к более радикальным рыночным структурным реформам). Рассмотрим эти сценарии более подробно.

СЦЕНАРИЙ BUSINESS AS USUAL Этот сценарий предполагает, по крайней мере, на несколько лет вперед продолжение в основных чертах нынешней экономической политики при сохраняющихся международных ценах на нефть на сегодняшнем уровне или при небольшом их повышении:

- дирижистский подход к экономической политике не претерпевает изменений,

особенно в стратегических секторах; серьезная приватизация не проводится, контролируемые государством секторы экономики остаются закрытыми для частных инвестиций;

- государственные расходы остаются на теперешнем уровне, а для покрытия бюджетного дефицита используются финансовые резервы государства;
- сохраняется неразвитая институциональная среда: отказ от структурных реформ, отсутствие независимой судебной системы, слабые правоохранительные органы, произвольная и неэффективная нормативно-правовая база, растущие налоги и т. п.

Согласно этому сценарию, экономический рост будет нулевым или очень низким (в среднем, менее 3 проц. в год).

Сценарий *Business as usual* может быть реализован при различных политических обстоятельствах — например, в случае прихода к власти более левых, патерналистских политических сил, которые будут и дальше расширять присутствие государства в экономике. Автор считает такое развитие событий вариантом базового сценария, поскольку, даже при условии некоторой радикализации, политический курс по-прежнему будет следовать нынешней модели (дефицит бюджета, повышение налогов, массивное присутствие государства в экономике, отказ от приватизации и сохранение государственного контроля над стратегическими отраслями).

СЦЕНАРИЙ «ОПЯТЬ ПОВЕЗЛО» В целом характеристики те же, что и в варианте *Business as usual*, за исключением одной: происходит новый резкий рост мировых цен на нефть до уровня, значительно превышающего 100 дол. за баррель, что обеспечивает правительству большее пространство для маневра при сохранении того же экономического курса, а экономике — очевидный источник роста за

счет увеличения объемов экспорта. В рамках этого сценария экономический рост будет существенно выше, чем в варианте *Business as usual*, что обеспечит большую устойчивость нынешней экономической модели.

СЦЕНАРИЙ «РАДИКАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ» предполагает серьезный пересмотр экономической политики в направлении структурных рыночных реформ, поощрение частных инвестиций, совершенствование институциональной и нормативной базы, снижение роли государства в российской экономике, дальнейшее открытие и либерализация рынков.

Этот сценарий мы называем «радикальным», поскольку он предусматривает существенное изменение политики, проводившейся в последние 5–6 лет, даже если масштабы отхода от нынешнего экономического курса будут не так уж велики (но все-таки более значительны, чем предложения правительства о приватизации, объявленные в начале 2011 года: в план приватизации были внесены нескольких сравнительно небольших пакетов акций в крупных компаниях, контролируемых государством, на сумму около 10 млрд дол. в год. Такие меры не способны существенно повлиять на структуру экономики и послужат лишь одним из каналов сбора средств для сохранения прежней политики «большого государства»).

«Радикальный» сценарий, скорее всего, обеспечит приток частных инвестиций, позволит сократить размеры государства и избежать повышения налогов. Ожидается, что общее воздействие на экономику при этом будет весьма позитивным и темпы экономического роста будут намного выше, чем в варианте *Business as usual*.

ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ КАЖДОГО ИЗ СЦЕНАРИЕВ

В нынешних условиях и с учетом того, что у правительства остается достаточно ресурсов для сохранения прежнего курса, наиболее

вероятным выглядит сценарий *Business as usual*. Однако быстрое исчерпание этого потенциала повышает вероятность «радикального» сценария, даже если существенных изменений в политической системе не произойдет.

Но и в случае политических изменений «радикальность» сценария не гарантирована и остается лишь одним из возможных вариантов. Все будет зависеть от того, какая политическая сила возглавит правительство России в результате гипотетического изменения политической системы. Если это будут левые или центристы, реорганизованные

под новой вывеской, то доминирующим по-прежнему останется сценарий *Business as usual*. Если же к власти придет коалиция, в большей мере ориентированная на серьезные структурные реформы, то более вероятным станет «радикальный» сценарий. В любом случае, вероятность вариантов «опять повезло» и «радикальный» ограничена 10–20 проц., и пока что в прогнозах доминирует сценарий *Business as usual*.

Таковы, как представляется, основные модели экономического развития и дилеммы экономической политики России на ближайшее будущее. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Источник данных — Росстат.

² *Рогов К.* Инвестиции: Кредитная болезнь // Ведомости. 2008. 23 янв.

³ *Михайлов А.* Кошелек или рубль // Газета.ру. 2008. 15 дек.

⁴ *Товкайло М., Холмогорова В.* Отчет об опоздании // Ведомости. 2010. 4 февр.

⁵ *Алексащенко С.* Прожорливый суслик (<http://www.vedomosti.ru/blogs/saleksashenko.livejournal.com/621>).